

CZU 821.161.1.09-1”18”

ОБРАЗ ЛЕШЕГО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 10X – 30X ГОДОВ XIX ВЕКА

Татьяна ЩЕРБАКОВА, магистрант, филологический факультет,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
Научный руководитель: Вячеслав ДОЛГОВ, доктор, конференциар

Rezumat: Acest articol examinează imaginea lui Leshy (spiritul pădurii) în poezia rusă din secolul al XIX-lea. Această lucrare analizează particularitățile percepției spiritului pădurii în viziunea slavă asupra lumii, dezvăluind trăsăturile tradiționale și individuale ale spiritului pădurii în interpretările poetice ale romanticilor.

Cuvinte-cheie: imagine, spiritul pădurii, tradiție populară, interpretare individuală, poezie rusă, romantism.

Одной из характерных черт русской романтической поэзии 10-х – 30-х годов XIX века является живой интерес к народной культуре и представителям языческой демонологии, в частности, к духам локусов. Предметом анализа в настоящей работе выступает образ лешего в художественной рецепции⁶ поэтов-романтиков.

В славянской мифологии леший, как известно, считается хозяином леса, покровителем лесных зверей и птиц. По некоторым поверьям, это существо *«происходит из проклятых людей, некрещеных или обмененных детей, из «нечистых» покойников»* [7, стр. 105], а согласно легенде книжного происхождения, *«в лешего превратились сброшенные с неба ангелы, которые упали в леса»* [7, стр. 105].

Вариации имени лесного духа многообразны. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (под редакцией Н. И. Толстого) сообщается, что наименования данного мифологического персонажа может отражать:

- ✓ место обитания: *лесник, лесной, лесной дядя, лесовой, лешак;*
- ✓ статус хозяина леса: *лесной хозяин, лесной царь, лесной дедушка;*
- ✓ демоническую природу: *ворог, дикенький мужичок, дичок, ёлс, лесной черт проклятый;*
- ✓ внешний вид: *волосатик, долгий дядюшка, красноплёший;*
- ✓ основные функции и характерные действия: *блуд, водило, кожедёр, костолом, шатун* [7, стр. 104].

Народная традиция приписывает духу леса определенные возрастные характеристики и черты его облика, которые разнятся в зависимости от региона. Чаще всего леший предстаёт в виде *старика с белой бородой, одетого в крестьянскую одежду; волосатого и нагого человека с белыми волосами и зелеными глазами (или с белыми выпуклыми глазами); человека огромного роста, одетого в белое; странника* [7, стр. 105]; *пожилого мужчины, обросшего еловой корой* [8, стр. 321] (что подчёркивает его связь с деревьями).

Отличительной особенностью данного природного духа является его способность изменять свой рост: *«в лесу он бывает вровень с верхушками деревьев, в поле – ниже травы»* [7, стр. 105], а также оборотничество. Данный демонологический персонаж часто принимает вид знакомого или родственника, а также ямщика, кучера на тройке. По утверждению Е. Е. Левкиевской, он может принимать облик любого человека, *«превращаться в любого зверя или птицу, часто – в волка, зайца, медведя, козленка, ягненка»*, а также *«в дерево, куст или гриб»* [8, стр. 323]. Звуковое поведение лешего характеризуется хохотом, свистом, стоном, криком, хлопанием кнутом.

Анализ доступных нам источников показывает, что по отношению к человеку леший ведет себя по-разному: чаще всего он опасен для человека, вредит ему, но почти никогда не убивает. Основные функции лешего – *сбивать человека с дороги, заводить его в глубь леса или на бездорожье, оставлять в болоте, на краю оврага* [7, стр. 106]. Считается, что он получает власть над теми людьми, которые откликнулись на его голос (лесное эхо). Обречен на блуждание в лесу и тот, кому лесной дух пересечет дорогу или тот, кто ступит на его любимую тропу. Данный дух, по утверждению Е. Е. Левкиевской, *«карает тех, кто не соблюдает уста-*

⁶ Под рецепцией мы, вслед за Н. Н. Летиной, понимаем *«эпизодическое, сознательное заимствование идей, материалов, мотивов, берущихся за образец, с целью поставить его на службу собственным эстетическим, этическим и другим интересам»* [9, стр. 295].

новленных в лесу норм поведения: шумит, свистит, остается ночевать в лесу, «не спросясь» у лешего; кто вошел в лес не благословясь, кто не попросил у хозяина леса разрешения собирать ягоды, грибы, охотиться в его владениях» [7, стр. 106].

Рассмотрим специфику художественной рецепции образа лешего / лесного духа на материале 8 поэтических произведений указанного периода: баллады П. А. Катенина «Леший» (1815), поэмы М. П. Загорского «Илья Муромец» (1824), стихотворений П. А. Вяземского «Метель» (1828) и «Ещё тройка» (1834), одноимённых произведений М. Ю. Лермонтова и Л. А. Якубовича «Леший» (1830 и 1831), послания В. А. Жуковского «К Войскову» (1814), стихотворения Д. П. Ознобишина «Товарищи жизни» (1833).

Леший является центральным героем одноименной баллады П. А. Катенина. Сюжет произведения таков: ребенок поддается искушению ночного видения и, нарушая запрет матери, идет в лес, к его «славному хозяину». Герой встречает «старичка», который заставляет его блуждать по лесу. Мальчик исчезает. Отметим, что лес в славянской мифологии считается опасным, «чужим» пространством, связанным с потусторонним миром. Он противопоставлен дому как «своему» пространству. Опасность леса в данном произведении подчёркивается такими эпитетами, как «лес дремучий» [6, стр. 86], «лес непроходимый» [6, стр. 86], «лес глухой» [6, стр. 87], «тёмный лес» [6, с. 88-90] (повторяется трижды). Хозяин леса в данной балладе представлен двумя образами: идеальным (во сне) и реальным (наяву, в лесу). Идеальный леший показан автором как «хозяин славной», который «добр и ласков для гостей», «старичок забавной», «друг и баловник детей» [6, стр. 87]. Такое описание лешего дано через призму мировосприятия ребёнка, которое представлено во сне. Подчеркнем, что идеализация образа демонологического персонажа не лишена народной основы. Так, например, в книге Е. Е. Левкиевской «Мифы русского народа» отмечается, что «*дети, уведенные лешим, обычно не жаловались на плохое отношение, напротив, они рассказывали, что леший, имевший вид седого старичка или какого-нибудь их родственника, был с ними добр: приносил еду, баловал лакомствами, заботливо укрывал от холода*» [8, стр. 330]. Как видно, образ лесного духа из детского сна соответствует описанию, данному Е. Е. Левкиевской.

Рассмотрим ещё одну примечательную деталь. Во сне ребёнок видит чудесный дом лесного хозяина: «<...>как прекрасен // Там в глуши чудесный дом! // С золотыми теремами, // Скован весь из серебра: // Перед нашими домами, // Что пред кочкою гора» [6, с. 87]. Следует отметить, что у славянского лесного царя нет дворца. Известно, что он обитает во всем лесу, однако больше всего любит коряги, вывернутые с корнем дерева, лесные избушки, глухую чашу [8, стр. 324].

Идеализированному представлению ребёнка о лесном духе противопоставлено мнение матери о хозяине леса: «<...> Леший коварной // <...> Манит детей он ястой сахарной, // После ж самих их схватит и съест» [6, стр. 87]. Убедив из дома в лес, ребёнок встречает приснившееся ему ранее существо, которое не соответствует его детскому, наивному представлению о «славном хозяине»: «*И, нагбенный дров вязанкой, // Старичок идет седой, // Ростом мал, угрюм осанкой, // Вид наемшливый и злой*» [6, стр. 89]. Не совпадают внутренние качества, которыми обладает леший в представлении ребёнка: «добр и ласков» (во сне) – «злой» (наяву).

Внешний вид хозяина леса («старичок седой») совпадает с его традиционным описанием. В тексте обнаружены и звуковые приметы присутствия лесного духа:

«Бор весь от вихря воем кругом» [6, стр. 89] и «Громкий раздался по лесу свист» [6, стр. 89]. Из книги «Мифы русского народа» Е. Е. Левкиевской, известно, что «появлению лешего обычно сопутствует буря, вихрь или резкий ветер и шум деревьев» [8, стр. 323]. Звуковое поведение персонажа («громкий свист») совпадает с традиционным поведением данного духа локуса.

Леший, которого мальчик встречает в лесу, даёт ему шанс выбраться, но в его словах звучит угроза: «Вот, смотри, тебя дорога // Может вывести домой; // Но моли не сбиться Бога, // А не то ты будешь мой» [6, с. 90]. Коварство лешего проявляется в запутывании следов, сбивании путника с дороги: «Узкой дорожкой долго в надежде // Бродит кругом он, прямо и вбок. // Сбился, туда же вышел, где прежде; // Там терпеливый ждет старичок» [6, стр. 90]. В результате, леший уводит ребёнка: «Плачешь? поздно: труд напрасный; // В путь за мной, мое дитя» [6, стр. 90].

Мать ищет сына, но её старания напрасны: «Тщетно старанье, ищут, не сыщут: // Мальчик исчезнул, знать, навсегда» [6, стр. 90]; «Мать несчастная поныне, // <...> Ищет сына по лесам. // Здесь не найдет; дай ей Боже // С ним увидится хоть там» [6, с. 91]. Семантическая оппозиция наречий места «здесь – там» противопоставляет в произведении реальный и потусторонний миры. О попадании в иной мир от проделок лешего и способах защиты упоминает и Е. Е. Левкиевская: «Если человек из-за шуток лешего теряет дорогу в лесу, он как бы попадает в иной мир, и чтобы вернуться домой, он должен снять с себя всю одежду и надеть ее заново наизнанку, рубаху переодеть задом наперед, а нательный крест перевернуть с груди на спину» [8, стр. 329].

Итак, послушание заветов матери, нарушение клятвы, данной перед иконой, привело к исчезновению путника, оказавшегося во власти лешего. Некоторые исследователи (например, А. Н. Мешалкин) приравнивают исчезновение ребёнка к его смерти. Подтверждением гибели, по его мнению, являются следующие строки баллады: «И вперед идти робеет, // И назад нет сил идти; // Свет в глазах его темнеет, // И не найдет он пути» [11, стр. 43]. Отметим, что в следующей строфе описана первая встреча мальчика (наяву, не во сне) с лешим, следовательно, ребёнок заблудился, но жив. На наш взгляд, исчезновение путника может быть связано также и со способностью лешего «закрывать» вещи (явления), делать их незримыми для окружающих. Такие факты сокрытия известны по отношению к животным. В книге «Мифы русского народа» сообщается, что по поверьям севера, «забирая себе корову, леший особым образом «закрывает» ее, как бы окружает незримой, но прочной оградой, из-за которой сама корова не может выйти <...>. «Закрытая» лешим корова невидима для окружающих, даже если она находится на совершенно открытом месте, вблизи деревни» [8, стр. 335-336]. Полагаем, что исчезновение ребёнка может быть связано не с его гибелью, а с фактом его сокрытия хозяином леса, поскольку основные функции лешего – вредительствовать и сбивать с пути, заводить в глубь леса, но не убивать. Как сообщает Е. Е. Левкиевская, леший может «накачать (в том числе и смертью) только тогда, когда человек нарушает правила поведения в лесу. Его шутки неприятны, но, как правило, не смертельны» [8, стр. 321].

Итак, в балладе П. А. Катенина «Леший» отмечаем неполное соответствие центрального персонажа традиционному образу лешего. В балладе он злой по отношению к детям, в народной традиции представление о лешем близко к тому, которое ребёнок видит во сне. Отличие заключается и в том, что у славянского

хозяина леса нет «чудесного дома» из серебра – дворца. Наличие дворца характерно для лесных духов (лесных царей) в германской мифологии.

Подтверждение этого находим в балладе В. А. Жуковского «Лесной царь» (1818): *«Из золота слиты чертоги мои»* [4, стр. 137]. В данной балладе обнаруживаем явные приметы германской мифологии, поскольку произведение В. А. Жуковского является переводом произведения И. Гётё "Erlkönig" («Король эльфов»). Лесной царь не похож на славянского лесного духа: *«Он в темной короне, с густой бородой»* [4, стр. 137]. По этой причине баллада В. А. Жуковского не стала предметом нашего пристального изучения в данной статье. Образ лешего находим и в более раннем стихотворении данного автора – послании «К Войекову» (1814), где леший назван «козлоногим»: *«<...> вдруг из-за седого пня // Выходит леший козлоногий»* [4, стр. 312]. Такая характеристика сближает славянского лесного духа с греческими сатирами – козлоногими существами, составляющими свиту бога Диониса. В образе «козлоногого лешего» отражено наложение двух мифологических систем.

Образ лешего обнаруживаем в произведении М. П. Загорского «Илья Муромец» (1824) с подзаголовком «Богатырская поэма». В начале поэмы на пути русского витязя встречаются различные мифологические персонажи (русалки, упырь, ведьма). В их ряду упоминается и леший: *«То грозный леший меж кустами // Несется с шумом»* [14, стр. 460]. В данном фрагменте подчёркивается опасность лесного духа («грозный леший»), место его обитания («меж кустами») и его звуковое поведение («Несется с шумом»). Образ лешего возникает и во второй песне поэмы, в которой описывается бой богатыря с печенежским царевичем Саганом и последствия этого поединка для противника Ильи Муромца. Итак, Саган рассердил хозяина леса своим поведением: *«И сталью крепкого меча // Он машет влево, машет вправо // И с гневом рубит терн кудрявый»* [14, стр. 468]. В ответ на разрушительные действия героя *«Проснулся лес, поднялся стон, // Кусты трещат и уступают, // И отголоски повторяют // И стук, и свист, и треск, и звон»* [14, стр. 468]. Данное описание свидетельствует о появлении лешего (хотя дух не назван) и его недовольстве, которое передано звуками на лексическом уровне: «стон», «стук», «свист», «треск», «звон». «Отголоски» – это эхо, а лесное эхо, как известно, это *«голос лешего, поэтому в лесу без особой нужды не стоит кричать и тем более передразнивать эхо, а также откликаться на незнакомый голос – этим можно вызвать лешего»* [8, стр. 327]. Появление лесного духа представлено автором так: *«Вдруг – будто струй игривых ропот – // Из-за деревьев раздался шепот: // «Кто б ни был ты, молодой боец, // Когда душе надменной дорог // Победой купленный венец, // Последуй мне без отговорок!» // И витязь следует на зов, // И голос далее и далее // Ведет его во мрак лесов»* [14, стр. 468]. Обладателя этого голоса автор называет «таинственным вождем»: *«<...> витязь смелый // Шел за таинственным вождем, // И сердце сильно билось в нем // И любопытством пламенело»* [14, стр. 469]. В данном фрагменте мы обнаруживаем основную функцию лешего – заводить в лесную глушь, которая метафорически названа здесь «мраком лесов». Печенежский царевич выходит на крутой берег и слышит зов «Сюда!»: *«И вот река ему видна // Из-за кустов; освещена // Серебро-блестящею луною, // Сагану кажется она // Широкой огненной стезею; // Он стал на берегу крутом; // «Сюда!» – с другого зов раздался...»* [14, стр. 469].

Леший является олицетворением вражеской (нечистой) силы в стихотворении П. А. Вяземского «Метель», в котором путник оказывается во власти природной стихии. Окружённый заснеженной степью, он беззащитен перед могуществом природы. Леший в данном стихотворении охарактеризован как «проказник» и «враг косматый», который видит «раздолье в кутерьме». Опасность лешего и обозначенные автором характеристики раскрываются в строфе: «Тут к лошадям косматый враг // Кувыркнется с поклоном в ноги, // И в полночь самую с дороги // Кибитка на бок – и в овраг» [3, стр. 216]. Такое поведение лешего представляет угрозу для жизни путника. По мнению К. А. Нагиной, потеря ориентации в пространстве из-за метели, разгул нечистой силы в виде лешего – это «прямой путь в снежную могилу» [12, стр. 12].

В ряде стихотворений леший взаимодействует с другими мифологическими существами, чаще всего прослеживается связь лешего с русалкой (например, в балладах М. Ю. Лермонтова и Л. А. Якубовича с одноименным названием «Леший»), взаимодействие с другими мифологическими персонажами наблюдается в стихотворениях П. А. Вяземского «Ещё тройка» и Д. П. Ознобишина «Товарищи жизни».

Рассмотрим подробнее связь лешего и русалки. Итак, подобно лешим, русалки живут в лесу. Д. К. Зеленин в книге «Зловещие мертвецы и заложные покойники» пишет, что полное сходство этих двух персонажей заключается в том, что они «любят хлопать в ладоши, хохотать, щекотать людей» [5, стр. 42]. Сходство лешего и русалки также объясняется общностью их происхождения – от покойников, умерших неестественной смертью. Автор утверждает, что, ввиду природного сходства, русалки могут быть жёнами леших, поэтому в народе их иногда называют «лешихами» или «лешачихами». В «Энциклопедии русских суеверий» М. Н. Власовой лешачиха определена как «лесной дух в облике женщины; жена лешего; русалка» [2, стр. 232].

Леший из одноимённого произведения М. Ю. Лермонтова, написанного в 1829-1830 годах, изображён как романтический герой, безответно влюблённый в русалку. В начале стихотворения описываются занятия лешего: «В полночь леший лько драл, // Лапти плел, косил траву, // Сов дразнил <...> // Да покрикивал ау!» [10, стр. 70]. Способность лешего плести лапти подтверждается и Е. Е. Левкиевской в «Мифах русского народа».

Влюблённый лесной дух стремится произвести впечатление на русалку: «И пред ней он пел, плясал, // Бил в ладоши, хохотал...» [10, стр. 71]; «То он плакал, как дитя, // То крутился, как змея, // То в колоду через пень // Прыгал, точно как олень» [10, стр. 71]; «С горы на гору шагал, // Пни с корнями вырывал // И летал в лесу густом // Фосфористым огоньком» [10, стр. 71]. Данные действия позволяют автору наделить лешего характеристикой «чудодей». Главный герой представлен не как злобное существо-вредитель, автор подчёркивает наличие у лесного царя ранимой души: «Чует лешего душа, // Что красotka хороша» [10, стр. 70]; «Хоть я леший, но не зверь, // И люблю тебя – поверь!» [10, стр. 72]; «И, заплавав, чудодей // Повалился в ноги к ней!» [10, стр. 71]; «Говоря, он всё рыдал // И всё в землю лбом стучал» [10, стр. 72]. В стихотворении указана характерная черта лешего – его способность изменять свой рост: «Карлом делался – и глядь // Разом выросал опять, // Так, что с вековой сосной // Был он вровень головой» [10, стр. 71].

Леший М. Ю. Лермонтова назван «царём лесным» [10, стр. 71], «покорным рабом» [10, стр. 72], он «ловок, статен и пригож» [10, стр. 71]. Он решителен:

«Тронься нежною мольбой, // Будь моею ты женой» [10, стр. 72]. Однако русалка не готова стать лесной царицей, она исчезает. Исчезновение русалки приводит к эмоциональному потрясению, доводит до отчаяния: «С горя бедный стонет – пляшет, // Через пень в колоду скачет, // Воет громко: ой-ой-ой!» [10, стр. 72]; «И с досады лес ломает. // Рвет с корнями дубы, // Сам поднявшись на дыбы» [10, стр. 72]. Следует отметить, что выворотни (вырванные с корнем деревья) традиционно считаются последствием бури, сопровождающей свадьбу лешего, здесь же они («...лес ломает. // Рвет с корнями дубы» [10, стр. 72]) – эмоциональная реакция героя на исчезновение «молодой девы». Влюблённый, нежный, ранимый, физически сильный, эмоциональный «чудодей» в интерпретации М. Ю. Лермонтова не похож на традиционного лешего, хотя в основу лирической ситуации произведения легли традиционные представления о взаимосвязи лешего и русалки, об их возможном брачном союзе.

Мотив исчезновения реализован и в балладе Л. А. Якубовича «Леший». Повествование предваряет вступление о страхе местных жителей перед звуками леса в полнолуние: «Кто-то бродит в тишине»; «Всяк, крестьян, молит: «Леший // Загулял не пред добром!» [15]. Страх вызван исчезновением девушки в лесу. В финале баллады звучит предостережение «Слышишь, по лесу хохочет? // Слышишь вой?... она ревет; // Обойти тебя, знать, хочет: // Берегись – уведет!» [15]. Хотя произведение и названо «Леший», но в нем реализовано народное восприятие русалок, с которыми, как мы уже подчеркивали, образ лешего оказывается связан. Так, в словаре «Славянские древности» сообщается, что «русалками становились девочки, пропавшие без вести, похищенные злыми духами из-за материнского проклятья» [1, с. 495]. Кроме того, с русалкой данный невидимый лесной образ роднит хохот, её женская ипостась (со слов жителей): «она ревет» [15], её способность заманивать на свою территорию: «Берегись – уведет!» [15]. Примечательно, что ни леший, ни русалка как действующий персонаж не появляется в балладе – о нем только говорят. На наш взгляд, введение этого персонажа в произведение необходимо для развертывания картины народного страха.

Образы лешего, русалки и ведьмы присутствуют и в стихотворении П. А. Вяземского «Еще тройка», однако они используются для создания развёрнутой метафоры звона колокольчиков на тройке лошадей: «Колокольчик звонко плачет // И хохочет, и визжит» [3, стр. 250]; «То вдали отбрякнет чисто, // То застонет глухо он. // Слово леший ведьме вторит // И аukaется с ней, // Иль русалка тараторит // В роце звучных камышей» [3, стр. 251]. Отметим, что автор создаёт не визуальный образ лешего (и других упомянутых персонажей), а аудиальный («застонет», «аukaется»), отмечая звуковое поведение, соответствующее традиционным представлениям о них. В стихотворении Д. П. Ознобишина «Товарищи жизни» леший упоминается в ряду других мифологических персонажей (русалка, домовая, Лада, Лель, Кикимора, Кродо, Яга), с которыми сталкивается лирический герой на разных этапах своей жизни: «Вот возмужал – и сам начальник рода, // Но обольщен за почестью бежит; // В его дому Кикиморы и Кродо, // Его шаги злой Леший сторожит» [13, стр. 312]. Леший в данном произведении представлен «злым», вероятно, из-за чрезмерного честолюбия героя.

Следует отметить, что 3 из 8 указанных произведений названы «Леший» (так в заглавиях произведений П. А. Катенина, М. Ю. Лермонтова и Л. А. Якубовича обо-

значен центральный персонаж). Примечательно, что в произведении Л. А. Якубовича описание лешего отсутствует, о нём говорят, рассказчиками создан только его аудиальный образ. Аудиальный метафорический образ лесного духа представлен и в стихотворении П. А. Вяземского «Ещё тройка». Отдельные черты его визуального облика представлены в послании В. А. Жуковского «К Воейкову» («козлоногий»), в стихотворении «Метель» П. А. Вяземского («косматый враг», «проказник»).

Анализ поэтических произведений показал, что заведение в лес, сбивание с пути являются одними из основных функций лесного духа, что соответствует традиционному образу. Сходство произведений, в которых обнаружен леший, проявляется в том, что персонажи в этих произведениях пропадают без вести и их исчезновение связано с образом лесного духа («Леший» П. А. Катенина, «Леший» Л. А. Якубовича), при этом нет указания на цель лишить героя жизни; цель демонологического персонажа – «увести» героя, оставить его в своем лесном царстве. Образ лешего используется для развертывания картины страха (баллады «Леший» П. А. Катенина и Л. А. Якубовича). Диаметрально противоположный образ лешего представлен в произведении М. Ю. Лермонтова – влюблённый, ранимый «чудодей», который сам боится быть отвергнутым.

Отмечаем, что образ лешего, как правило, связан с мотивом пути, образом дороги (П. А. Вяземский), с метафорическим путём человека – жизнью (Д. П. Ознобишин), с мотивом исчезновения (П. А. Катенин, М. П. Загорский, Л. А. Якубович). Круг тем, связанный с образом лешего: послушание матери (П. А. Катенин), неразделённая любовь (М. Ю. Лермонтов), нарушение спокойствия лесного духа (М. П. Загорский). Очевидно, что разнообразие трактовок анализируемого образа народной демонологии и разнообразный круг тем / проблем, которые с его помощью реализуют поэты-романтики, обусловлены не только широкими потенциями данного духа локуса в народной картине мира, но и возможностями наложения двух различных мифологических систем.

Библиография:

1. ВИНОГРАДОВА, Л.Н. Русалка. В: *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Т. 4. Москва: Международные отношения, 2009. с. 495-500.
2. ВЛАСОВА, М.Н. *Энциклопедия русских суеверий*. Санкт-Петербург: Азбука, 2008. 622с.
3. ВЯЗЕМСКИЙ, П.А. *Стихотворения*. Москва: Художественная литература, 1982. 544 с.
4. ЖУКОВСКИЙ, В. А. *Полное собрание сочинений и писем*. Т.1. Москва: Языки русской культуры, 1999.761 с.
5. ЗЕЛЕНИН, Д. К. *Зловещие мертвецы и заложенные покойники*. Очерки русской мифологии. Ногинск: Аegitas, 2014. 245 с.
6. КАТЕНИН, П. А. *Избранные произведения*. Москва: Советский писатель, 1965. 748 с.
7. ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. Е. Леший. В: *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Т. 3. Москва: Международные отношения, 2004. с. 104-108.
8. ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. Е. *Мифы русского народа*. Москва: Астрель, 2010. 527 с.
9. ЛЕТИНА, Н. Н. Теоретические основания рецепции в провинциальном искусстве. В: *Регионоведение*, 2008, № 3, с. 295-302.
10. ЛЕРМОНТОВ, М. Ю. *Собрание сочинений*: В 4 т. Т.1. Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского дома, 2014. 778 с.

11. МЕШАЛКИН, А. Н. *Литература Костромского края конца XVIII–XIX века*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. 152 с.
12. НАГИНА, К. А. «Метель-страсть» и «метель-судьба» в русской литературе XIX столетия. В: *Вестник Удмуртского университета*, 2010, № 4, с. 12-20.
13. ОЗНОБИШИН, Д. П. *Стихотворения*: В 2 т. Т.1. Москва: Наука, 2001. 582 с.
14. ГИНЗБУРГ, Л. Я. *Поэты 1820-1830-х годов*: В 2 т. Москва: Советский писатель, 1972. 768 с.
15. ЯКУБОВИЧ, Л. А. *Леший*. [онлайн] [посещено 23. 03. 2022]. Доступ: http://az.lib.ru/j/jakubowich_l_a/text_0040.shtml.